

Глава 16. Ещё один год разлуки

В Тамбов я прибыл 23 октября 1951 года. Поезд ещё только приближался к городу, а сердце уже сладостно и тревожно замирало в груди: что ожидало меня в Тамбове, что искал я в нём? Лялю, мамину могилу, миражи юности, Риту? А как же Нина, Валерик? Всю дорогу противоречивые чувства боролись во мне. С одной стороны, трепетное ожидание встречи с прошлым, с юностью, а с другой - чувство вины перед Ниной, Валериком. Почему не поехал сразу в Красноярск? Всё был бы ближе к ним. Начал бы работать, помогать, добиваться соединения. Мысли путались, сердце сжималось в тревоге. Нестерпимо медленно тянулись последние минуты.

Но вот, наконец, вокзал. Натужено скрипя тормозами, состав остановился у перрона. Толпа встречающих - и ни одного знакомого лица. Меня не встречали. Ведь я Ляле о своём приезде не сообщал. Сдав старенький фанерный чемодан в камеру хранения, вышел в город. Он мало изменился за эти десять лет. Всё те же улицы, всё те же постройки. Разве что деревья стало меньше или мне это только показалось после тайги? Я шёл, занятый созерцанием города. Ноги сами несли меня по знакомым улицам, мимо знакомых домов. Рабочий день кончался. Люди толпились около магазинов, выстраиваясь в длинные очереди. Гремя колёсами, проезжали повозки, мягко шурша шинами, проносились автомобили. Город жил своей повседневной жизнью, но для меня он был мёртв - всё здесь было чуждо моему настоящему, всё будило во мне только воспоминания, и они, как призраки, преследовали меня.

Наконец, наша улица. Она-то уж совсем не изменилась. Маленькие, обшитые тёсом одноэтажные домики. Несколько вязов, пыльная мостовая, щербатый тротуар. А вот и наш дом. Пожилая женщина, стоя ко мне спиной, мыла окно. Я с равнодушным видом, чтобы не обращать на себя внимания, прошёл мимо, но не выдержал, обернулся и пошёл обратно. Поравнявшись снова с женщиной, я спросил её, живут ли ещё в этом доме Ишины. Она обернулась, внимательно посмотрела на меня и вдруг, воскликнув: «Роба!», - привлекла к себе, поцеловала и повела в дом.

Мария Ивановна Ишина! Как я мог её не узнать? Ведь мы прожили бок о бок более десяти лет. Её сын Юра, бывший лет на пять моложе меня, отслужил в армии и теперь учился на четвёртом курсе исторического факультета Тамбовского пединститута.

Кроме него, с ней жили обе её дочери: старшая Дина и средняя Ирина. Дина успела выйти замуж и развестись, Ирина была пока не замужем. Много рассказали они мне о городе, о товарищах и знакомых, из которых почти никого не осталось в Тамбове.

Узнав, что я собираюсь в Пады к Ляле, расстроили, сказав, что она была у них в начале учебного года и говорила, что с Игорьком и ребятами собирается переезжать в Ростов к Софье Владимировне, которая там учительствовала. Что мне было делать? Денег я потратил много, а главного не сделал - Лялю и ребятшек не повидал, на маминой могилке не побывал. На поездку же в Ростов средств уже не хватало, хотя, с другой стороны, возможность заехать в Отрадовку, повидаться с Ольгой Федотовой меня соблазняла. Во всяком случае, это было бы приятно Нине и в какой-то мере сглаживало мою вину перед ней.

Переночевав у Ишиных, утром направился в облоно, чтобы уточнить, где же находится Ляля. Оказалось, что о её выезде в Ростов им ничего неизвестно, и она по-прежнему продолжает числиться в их списках. Однако советовали позвонить в районо и справиться там точнее.

Из облоно я пошел в институт. Он теперь размещался в здании бывшей железнодорожной школы. Я ходил по коридорам, заглядывал в аудитории. Кругом толпились студенты, проходили преподаватели и вновь ни одного знакомого лица. Разыскал деканат, приоткрыл дверь и замер. За письменным столом сидел Артёменко, крупный, широкоплечий, с бобриком седых волос на массивной голове.

Я вошёл. Оторвав взгляд от лежащих на столе бумаг, Дмитрий Трофимович вопросительно посмотрел на меня. Суровое лицо, тонкие губы, небольшие серые глаза под лохматыми поседевшими бровями. Я продолжал стоять молча. Узнает или нет? Ведь столько вечеров, а иногда и бессонных ночей провели мы вместе в нашей тогдашней теплотехнической лаборатории.

Узнал! Добрая, знакомая улыбка преобразила лицо. Поднялся, похлопал по плечу и повёл в пустую лабораторию, подальше от любопытных глаз. Там мы просидели больше часа, вспоминая прошлое и планируя моё будущее. Потом, оставив меня, пошёл к директору зондировать почву. Вернулся сумрачный, недовольный его нерешительностью. Жалел, что нет нашего старого директора. Вскоре в лабораторию заглянул Сергей Сергеевич Трескин. Он по-прежнему читал курс математического анализа. Узнал меня сразу. Обсудив возникшую проблему, решили, что поступать мне нужно

на заочное отделение. Согласие органов надеялись получить. Под их диктовку написал заявление.

Из института пошёл на почтамт звонить в Знаменку, где находилось районо. Оттуда мне ответили, что Ляля по-прежнему работает учительницей немецкого языка в средней школе села Большие Пады.

На следующий день поднялся часов в десять, позавтракал и снова пошёл на почту. Однако дозвониться до Больше-Падовского сельсовета и вызвать к телефону Лялю или Игорька не смог. Решил ехать без предупреждения. Расстояние не более 25-30 км. С трудом нашёл попутную машину, шофёр которой согласился довезти до разъезда, от которого до Падов, по его словам, было уже совсем недалеко. Там я слез и пошел искать Пады. Блуждал по полям и дорогам больше часа и когда, наконец, вышел к мельнице, на которой, как мне сказали, работал Игорёк, уже смеркалось.

После традиционных поцелуев и объятий Игорёк рассказал, что дней за пять до моего приезда ночью загорелась их квартира возле мельницы. И хотя в целом для них всё обошлось сравнительно благополучно, сгорела только вся картошка, им пришлось переехать в Яблоневку, до которой от мельницы было не более одного километра. Шли пешком, разговаривали. Вскоре начались избы. Я всё смотрел вперёд, стараясь угадать, в которой из них они теперь жили. В предчувствии встречи с Лялей тревожно билось сердце. Мы прошли уже почти всю деревню, когда Игорёк, взяв меня за рукав, остановил и тихо сказал: “Здесь!” Затем аккуратно, чтобы не видно было из окна, подвёл к двери. Постучал. Послышались шаги и до боли родной голос спросил: «Кто там?». “Открывай, тебя здесь разыскивает какой-то человек”, - притворно равнодушно ответил Игорёк.

Застучал отодвигаемый засов, дверь открылась, и Ляля выглянула в сгущающиеся сумерки. «Робочка!» - воскликнула она и бросилась мне в объятия. Трудно передать впечатления первой встречи, описать их. Но всё проходит. Прошли и эти минуты. Мы вошли в комнату, и там, при свете керосиновой лампы, я смог разглядеть свою сестрёнку. Как сильно изменилась она за эти десять лет! Из молодой, интересной девушки превратилась в утомлённую жизненными невзгодами женщину. В уголках рта появились мелкие морщинки, более заметной стала сутулость. При взгляде на неё такими ощутимыми становились эти десять невозвратно в прошлое ушедших лет.

Как странно было смотреть на неё, хлопчущую около русской печи с ухватом и кочергой. Особенно поражало меня то, что она

совершенно смирилась с этой жизнью и даже была счастлива своим маленьким домашним счастьем. Вскоре пришли Алик с Таней. Ему одиннадцать лет, ходит в четвёртый класс, сильно похож на Игорька. Танюше девять лет, учится во втором классе, озорная, шустрая, не дающая спуска мальчишкам.

На другой день, утром, отправил Нине телеграмму: *“Прибыл*

*г. Тамбов. 1952 год.
Игорёк, Ляля и я*

Тамбов тчк Пятого выезжаю Красноярск телеграфирую Знаменский район Большие Пады Красавцевой целую Роберт.» Тем самым и себе, и Ляле обозначил крайний срок пребывания в Яблоновке.

В обед, после возвращения Ляли и ребятишек из школы, пошли на кладбище. Сиротливое, продуваемое осенними ветрами, последнее пристанище умерших. Ни оградок, ни могильных плит. Лишь ряды осевших, размытых дождями холмиков с почерневшими от времени и непогоды крестами. Одинокие, с пожелтевшей листвой березки, кусты давно отцветшей сирени. Я стою с непокрытой головой, комкаю в руках старенькую лагерную кепку. На глазах слёзы. Опоздал! Не успел! За спиной Ляля с покрасневшими от слёз глазами. Рядом притихшие ребятишки. По вспаханному полю спешит Игорёк. Вечером что-то вроде поминок. Водка, кутья, блины, кисель. Игорёк вспоминает, каким беззащитным и добрым

человеком была Софья Освальдовна. Мы с Лялей молчим. Она - наша мама, лучшая, единственная! В те последние дни всё ждала письма. А у меня были другие дела, другие заботы. Думал, подождёт, успею. Но не успел, а она не дождалась.

Восемь дней, которые я отвел на проживание в Яблоневке, пролетели совсем незаметно. Длинными осенними вечерами, после того как уснут ребятишки, рассказывал я о своей лагерной жизни. От керосиновой лампы с обгоревшим у стекла бумажным абажуром падали колеблющиеся призрачные тени. Игорёк слушал заинтересованно, задавал много вопросов: об условиях работы, жизни, режиме, уголовниках. Ляля всё больше вздыхала, безуспешно пытаюсь перевести разговор на Нину, Валерика.

В свою очередь и Игорёк в эти дни многое рассказал мне о тяжёлой доле сельчан. Крестьянин по рождению, много лет проживший в глухой тамбовской деревне, коммунист по убеждению, офицер-танкист, прошедший всю войну и много повидавший, он близко к сердцу принимал упадок российской деревни.

Судя по его рассказу, жилось крестьянам очень трудно. Работа в колхозах тамбовщины практически не оплачивалась. Через госзакупки им возмещалась лишь пятая часть произведённого молока, десятая - зерна, двадцатая - мяса. В соседнем с Яблоневкой колхозе, числившемся в передовых, начисляли 150 граммов зерна на трудодень.

Вынужденные жить в основном за счёт подсобных хозяйств, колхозники всячески уклонялись от колхозных работ. Борясь с этой “нездоровой”, “частнособственнической” тенденцией, государство, начиная с 1946 года, не только существенно урезало приусадебные участки, а оставшуюся часть обложило непомерными налогами, но и существенно ограничило возможности торговли. Продавать на рынке продукцию своего подсобного хозяйства колхозник мог только при наличии специального документа о том, что соответствующий колхоз полностью выполнил свои обязательства перед государством. Резко повысились сборы и налоги с доходов сельских жителей от продажи на свободном рынке.

В 1947-48 годах правительство прибегло в отношении колхозников к мерам принуждения, которые, по мнению Игорька, напоминали худшие времена первой пятилетки: так, указы, принятые 4 июня 1947 года, предусматривали от пяти до двадцати пяти лет лагерей за всякое “посягательство на государственную или колхозную собственность”. Тогда же, в 1947 году, был подтверждён обязательный минимум трудодней, введённый ещё в конце тридцатых годов. За его невыполнение грозила ссылка. Начался мас-

совый “исход” крестьян, особенно молодёжи, из села, который был бы значительно большим, если бы у колхозников были паспорта.

Из всего, что рассказал Игорёк, с очевидностью следовало, что страна восстанавливалась и жила за счёт жестокой эксплуатации крестьянства. Мне хотелось добавить: “и за счёт рабского труда заключённых и ссыльных”.

Его рассуждения прервала группа женщин, человек десять, идущих по раскисшей от дождей дороге в сторону виднеющейся вдали фермы. В поношенных домотканых кофтах, зипунах, обрванных шинелях. На ногах стоптанные солдатские сапоги, подвязанные верёвками галоши. В руках ведра, вилы. Идут медленно, без смеха, без песен.

Мы с Игорьком сидим на завалинке. Почти не грея, светит осеннее солнце. Низко по небу несутся обрывки туч. Кажется, они вот-вот зацепятся за голые, в мольбе простёртые к небу ветви деревьев. Воздух налит влагой, но дождя нет. Он шёл всю ночь и прекратился только под утро. И вспомнился мне лагерь. Хмурое, осеннее утро пятидесятого года. Женский лесозаготовительный лагпункт «Лесной». Мы с Эдуардом Густавовичем Шмидгалем, ревизором ОЛПа, приехали для проверки работы бухгалтерии. Приехали рано, идёт развод. В предрассветных сумерках моросит дождь. За воротами женская бригада. В телогрейках, кофтах, шароварах и юбках. На ногах пайпаки и непомерно большие чуни. На головах у кого солдатская ушанка, у кого - платок. Сверху куски клеёнки - от дождя. Из-под головных уборов выглядывают пряди мокрых от дождя волос. В руках топоры и пилы, к поясам пристёгнуты котелки. Лица сумрачные, мокрые не то от дождя, не то от слёз. Мы с Шмидгалем стоим у вахты в свете прожекторов и мне невероятно стыдно. Стыдно за молодость, за не лагерьный вид, за то, что женщины идут пилить ненавистный им лес, а мы пойдём в тёплую сухую контору, где нас, наверное, ждёт завтрак, за то, что приехал я сюда потому, что старшим бухгалтером на Лесной работает Неля Сорока.

Воспоминание было настолько живым, что я невольно огляделся в поисках конвоя, который должен был бы сопровождать женщин. Игорёк тоже молчал, думая о своём тяжёлом.

Все эти дни меня мучила мысль о Нине и Валерике. Наверное, всё же следовало сразу ехать в Красноярск. Я же вместо этого устроил себе отпуск. Деньги, полученные на проезд, быстро таяли, и на дорогу до Красноярска их уже не хватало. Сможет ли Нина продержаться это время без моей помощи?

На второй неделе ноября, получив от Ляли денежное и продуктовое подкрепление, направился в Тамбов. Выезд в Красноярск наметил на 13 ноября. Оставшиеся до отъезда дни решил использовать на то, чтобы разыскать старых знакомых, друзей. Их в Тамбове осталось совсем немного.

Прежде всего, с помощью Игорька разыскал Лёву Петерсона. Пройдя войну и демобилизовавшись, он теперь работал в автоинспекции. Гордился своим офицерским званием и медалями. Много, с чувством превосходства рассказывал о своей фронтовой жизни. Мне сочувствовал, но как-то странно, как будто смотрел фильм. Жил Лёва в однокомнатной квартире с матерью, женой и дочкой. Жена, официантка местного ресторана, пышная, круглолицая, румяная, с толстой русой косой. Уже несколько раз, учинив очередной скандал и забрав дочку, уходила из дома. Рядом с ней Лёва, щуплый даже в своей офицерской форме, казался потерянным и неуверенным в себе. Вряд ли можно было завидовать его жизни.

Удалось разыскать Орловых: Андрея и Платона. Оба прошли войну, оба женаты. Андрей в чине майора. Служил переводчиком (переводил с немецкого и румынского). Жили они в старом отцовском доме, в котором я когда-то, в прошлой своей жизни, так любил бывать. Тогда, по вечерам, вся их семья собиралась на большой застеклённой веранде за начищенным до блеска самоваром. Через узорную решётку поддувала светились угольки, и пахло дымком. Сахарница полна белоснежных, искрящихся кусочков колотого сахара - по тем временам убедительное свидетельство материального благополучия. В большой зеленоватого стекла вазе ещё тёплое домашнее печенье. В таких же зеленоватых розетках вишнёвое варенье.

Теперь всё изменилось. Старики умерли. Веранда осела, покосилась. Сад поредел, нет яблони, когда-то постукивавшей своими ветвями в окна веранды. Семья распалась. Интересы тоже. Почему-то чувствовал себя чужим. Особенно смущал меня Платон. С Андреем было проще. Особенно когда на окраине города он пытался научить меня ездить на мотоцикле, а я всё норовил сшибить единственный на пустыре столб.

Разыскал и Людю Соболеву, с которой учился в школе и которую после выпускного вечера провожал домой. В нарушение общепринятых норм пришёл без предупреждения. Стучу. Молодой худощавый мужчина открывает дверь. Дверь прямо в комнату, большую, бедно обставленную. Через всю квартиру верёвки, на них бельё. На полу играют две девочки. Ничего от прошлой жизни,

лоска прокурорской квартиры отца. Сама Люся одета неряшливо, располнела. Заметно смущена и растеряна. Знакомит с мужем. Предлагает сесть. Разговор вяжется плохо. Зачем я пришёл, на что рассчитывал?

Ходил в школу, свою, родную. Встречался с учителями. Из тех, кто преподавал в мои годы, мало кто остался. Долго и задушевно беседовали с учительницей немецкого языка, бывшей у нас классной руководительницей и учительницей математики, которую мы когда-то, любя, звали «Сороконожкой». Узнав у них адрес Анны Петровны (учительницы физики), ходил к ней домой, просил извинение за глупое поведение и сорванные уроки. Пили чай, вспоминали прошлую, довоенную жизнь.

И это всё. Ни Роберта Стокса, ни Симача в городе не было и ничего о них узнать не удалось. Не разыскал и никого из однокурсников. Даже Риту Конюхову, о встрече с которой в глубине души мечтал.

Перед тем как брать билет на Красноярск, зашёл в институт, и там Артёменко сообщил, что получено разрешение зачислить меня на заочное отделение. Решением ректората зачислили без вступительных экзаменов сразу на второй курс, но рекомендовали до отъезда в Красноярск сдать экзамены и зачёты хотя бы за один семестр, подтвердив тем самым серьёзность своих намерений. При этом Артёменко сказал, что если бы в ректорате не знали меня как серьёзного и инициативного студента, то мне пришлось бы вновь сдавать вступительные экзамены и экзамены за первый курс.

Передо мной встал тяжёлый вопрос. На сдачу экзаменов и зачётов за второй курс нужно было как минимум месяц-полтора. А это значило, что в Красноярск я попаду не раньше января. Пока найду работу, получу зарплату, пройдёт ещё месяц? Как к такой перспективе отнесётся Нина, и как они с Валериком будут жить эти два-три месяца. И вот 16 ноября пишу ей большое письмо, в конце которого так объясняю сложившуюся ситуацию:

«... Родная Нинуська, прости своего Ро, но, честное слово, у меня такое дикое желание учиться, что трудно устоять. Всего только месяц-полтора. Я сдам за второй курс, получу зачётку и возьму академическую справку с тем, чтобы сразу же по приезде в Красноярск оформиться там на третий курс. С подготовкой очень спешу, третий день сижу, не поднимаясь, с восьми часов утра до двух часов ночи. Можно бы было ускорить процесс, но хочется не посрамить своего имени, сдать на пять.

Ты ведь знаешь, родная, что учиться была моя всегдашняя мечта. Раз представилась такая возможность, то надо её использовать. Ведь терпели так долго, потерпим ещё месяц-два. Для окончательного решения сообщи, как ваше с Валериком здоровье, как положение с финансами? Я так долго, так ужасно долго не получал от тебя писем, ни одной весточки, кроме телеграммы. Я так беспокоюсь! Спокойной ночи. Не сердись на своего Ро. Целую тебя и Валерика крепко, крепко, крепко! Твой Ро, ваш папа.»

Для Нины это был серьёзный удар. Принятое мною решение было для неё неожиданным, ставило под сомнение мои уверения в желании быть как можно ближе, добиваться соединения. А, может быть, это вообще конец, и он таким способом решил развязать себе руки - думала она. Разве не об этом предупреждали её знакомые, настойчиво подбиравшие ей женихов. И хотя она не верила в такую возможность, ей всё же было неприятно отвечать на вопросы по поводу срока моего приезда. А любопытных было слишком много. Для них наша с Ниной жизнь была чем-то вроде современных мексиканских сериалов. Часто содержание моих телеграмм становилось известным ещё до их вручения Нине, особенно, когда в них шла речь об очередном переносе срока выезда. К сожалению, таких телеграмм было потом много. Мои планы на получение высшего образования и успехи в учёбе были ей приятны, и о них хотелось рассказывать всем, но они меркли перед совершенно очевидным фактом - я не спешил с выездом в Красноярск, моя учёба была для меня важнее их благополучия и нашей совместной жизни.

Для меня же теперь основной проблемой стало жильё. Тридцать девятый пункт паспортного ограничения не разрешал мне прописку и длительное проживание в Тамбове. Первое время жил в Яблоневке, приезжая в Тамбов только для сдачи экзаменов и зачетов. Но это было очень неудобным при тех сжатых сроках, которые я поставил перед собой. Каждый раз, приступая к подготовке очередного экзамена, нужно было встретиться с экзаменатором, что требовало иногда нескольких дней, договориться о сроке сдачи экзамена, согласовать программу и требования. Затем надо было предоставить контрольную работу и уговорить преподавателя как можно скорее её проверить, потом надо было получить зачёт и, наконец, напоминать экзаменатору о договоренности и быть готовым к изменению согласованного срока. И на все это - 7- 10 дней. Поэтому возникала необходимость периодически, по два-три

дня в неделю, жить в Тамбове, ночуя у друзей и знакомых. Чаще всего у Лёвы Петерсона.

В таких случаях он мне на кухне ставил раскладушку, и я всех их, конечно, сильно стеснял. И хотя мне они этого не показывали, но чувствовал я себя очень неловко. К тому же преследовал страх быть обнаруженным милицией. За проживание без прописки можно было схлопотать 10 лет. В лагере лиц, осуждённых за проживание без определённого места жительства, называли бомжами. Там их было довольно много и им никогда не давали пропуска. Кроме того, я подвергал серьёзной опасности и самих хозяев. Поэтому старался приходить по возможности позже, но до того, как все лягут спать. Однако при этом было легко ошибиться - прийти слишком поздно, когда свет в квартире был уже погашен. В таких случаях шёл в сквер Зои Космодемьянской, устраивался на самой дальней, прячущейся в кустах сирени скамейке и там, простучав всю ночь зубами, с трудом дожидался первых автобусов, в которых можно было хоть немного согреться. Ночевать на вокзале, как это делают все современные бомжи, не рисковал. Там постоянно проводились облавы и всех бездомных после скорого суда отправляли в лагерь.

К экзаменам готовился в основном в Яблоневке. В те же дни, когда находился в Тамбове, ходил в читальный зал. К сожалению, там было очень холодно. Неожиданно для себя нашёл тёплое и удобное место: контору гортопа. Там всегда были длинные очереди и хоть какая, но мебель для сидения. Заняв очередь, доставал учебник и, медленно продвигаясь к двери, ведущей в кабинет, готовился к очередному экзамену. Когда подходила очередь, занимал новую, ссылаясь на то, что должен подойти брат с нужными документами.

Ещё хуже обстояло дело с питанием. Продукты, которыми при поездке в Тамбов меня снабжала Ляля, я оставлял у Петерсонов, однако ходить туда обедать стеснялся да и не хотел лишний раз засвечиваться. Питался где придётся, кто из знакомых угостит. Иногда ходил в студенческую столовую. Изредка покупал в молочном магазине булочку и стакан сметаны, но на это шли деньги, а их у меня было в обрез.

В конце декабря Игорёк устроил меня жить и питаться к знакомым ему старикам, жившим в своем частном доме по улице Кирова, 56, недалеко от нашего прежнего дома. Их фамилию помню - Сиравины. Её звали Клавдия Ивановна, а его имени не помню. Рассчитывался с ними Игорёк продуктами, которые привозил из Падов, в основном картошкой. Сказал ли он о проблеме с моей

пропиской, не знаю. Скорее всего, не сказал. Я тоже не говорил. Но проблема и связанная с ней опасность оставались. По совету Артёменко и с его ходатайством ходил к депутату Верховного Совета по Тамбовской области, учительнице средней школы, кажется, Быстровой, с тем, чтобы разрешили проживать в Тамбове на время сдачи экзаменов. После непродолжительной беседы она на моём заявлении наложила резолюцию: «Просьбу прошу удовлетворить» и посоветовала идти в милицию. После долгих размышлений, не желая привлечь к себе внимания, никуда не пошёл. Бумага эта ещё долго хранилась в моем архиве, но потом куда-то затерялась.

Сдача экзаменов за второй курс затянулась. Приступая к ним, я обещал Нине справиться с ними к середине декабря. Реализовать этот план не удалось. Всплыли новые предметы и отдельные темы, которые пришлось сдавать за первый курс в связи с изменениями учебного плана. К тому же, увлекшись, сдал несколько математических дисциплин за третий курс, отложив на потом экзамены по гуманитарным дисциплинам. Этот бросок в область математических дисциплин был приостановлен руководством заочного отделения. В результате к началу декабря за второй курс осталось сдать экзамены ещё по трём предметам: физике, педагогике и основам марксизма-ленинизма.

Экзамены по математическим дисциплинам прошли без особых проблем. По всем предметам получил пятёрки. При этом произошла лишь одна заминка. Выполняя контрольную работу на сходимость рядов, в некоторых примерах вместо признаков Даламбера и Коши использовал более мощные признаки Раабе и Гаусса. Хотел показать, что знания мои выходят за рамки программных требований. Каково же было моё удивление, когда через три дня лаборантка, виновато улыбаясь, вернула мне контрольную, всю исчерканную красными чернилами. Возмущённый случившимся, стал просить встречи с проверявшим работу преподавателем. Им оказался Борис Клюквин, недавно закончивший институт и только второй год работавший на факультете. Признав мою правоту, всё же попросил переписать контрольную, так как в таком виде оставлять её в деле было для него неудобным. Я согласился. Между нами установились дружеские отношения, и впоследствии он не один раз выручал меня, оказывая материальную помощь.

Полностью за второй курс рассчитался только к середине января. В своём письме от 14 января вновь просил у Нины согласия на перенос срока выезда в Красноярск:

«Представляю себе, как мучительно долго тянутся для тебя дни, сколько невольных мук и страданий причинил тебе своей задержкой в Тамбове.

Конечно, все было бы иначе, если бы я сразу поехал в Красноярск. Но ты же понимаешь, что отказаться от предоставленной мне возможности я не мог, тем более, что встреча наша до открытия навигации всё равно не могла состояться.

Я прекрасно понимаю, что есть моменты, которые обостряют этот вопрос. Ведь вера верой, а сомнения сомнениями. Хорошо представляю, что говорят люди, окружающие тебя и не верящие в то, что я приеду. Их неверие передается тебе - ты страдаешь.

Родная моя, если бы я мог хотя бы один час поговорить с тобой, уверен, ты обрела бы новую веру и новые силы.

Все дни мои здесь проходят в упорном труде. Редко ложусь раньше двух, трех часов ночи. С утра и до поздней ночи сижу за книгами. Двадцать первого ноября начал я сдавать экзамены и за один месяц и 20 дней сдал 14 экзаменов и почти столько же зачётов. Это по четыре дня на экзамен, даже меньше. Причем только три из них сдал на хорошо, остальные на отлично. Одиннадцатого января мне в зачётке отметили выполнение учебного плана за второй курс и перевод на третий курс, а также выполнение учебного плана зимней сессии за третий курс. Подумай, может ли при этом оставаться время на посторонние дела?

Новый год встречал в Яблоневке. В этот вечер, как и обычно, Ляля, Игорёк и дети легли спать часов в десять, а я, вооружившись пером и бумагой, сел писать тебе и ждать двенадцати. В избе (так Игорёк называет свой домик) тихо-тихо. Передо мной на столе керосиновая лампа и от неё лицу и рукам тепло, а ноги мёрзнут. На душе нестерпимо тяжело. В эти минуты все соединилось: физическая и духовная усталость, одиночество и беспокойство за вас.

Двадцать восьмого я послал тебе телеграмму, в которой поздравил с Новым годом. К сожалению, при всем желании по-

*г. Тамбов. 1952 год.
Ляля с Игорем и детьми*

слать хотя бы немного денег не смог. Осталось в самый обрез: 400 рублей, из которых на билет до Красноярска 300 рублей. В той же поздравительной телеграмме я писал, что выезжаю пятого января, но сдавать пришлось еще спецкурс, без которого не оформляли перевод со второго на третий курс».

И уже в самом конце письма неприятный для Нины сюрприз - просьба о новой отсрочке даты выезда:

«Оформив одиннадцатого все дела, двенадцатого пошёл прощаться с близкими мне преподавателями: Дмитрием Трофимовичем, Сергеем Сергеевичем, Айзеком Азимовичем Пясецким, Борисом Клюквиним. Выслушав меня, они начали возмущаться: “Это просто преступление, в самый разгар бросить всё дело”, «Ему дали возможность в один год сдать несколько курсов, а он уезжает», «Ведь ты не сможешь сейчас ехать в Туруханск, придется ждать навигации где-нибудь в другом месте Красноярского края”. А Борис Клюквин, тот самый, который почёркал когда-то мою контрольную работу, дал мне 200 рублей со словами: «Переведи их жене, но сдай ещё хотя бы за второе полугодие третьего курса».

Понимаю, родная, как тяжело тебе, но пойми и мое положение. Порой кажется, схожу с ума от напряжения, тревог и волнений, теряю над собой власть. Хочется бросить всё и ехать, лишь бы быть поближе к вам. Родная, пойми всю важность того, что я сейчас делаю. Это не каприз, это единственно возможный для нас путь в достойную жизнь.

Прошу, родная, верь своему Ро, не сомневайся в нем ни одной минуты. Взвесь всё и если, несмотря на невозможность нашей встречи до начала навигации, сочтёшь мой выезд в Красноярск необходимым, дай телеграмму и поверь, я брошу всю эту затею и выеду.

Теперь насчет писем. Я долго не писал, во-первых, потому, что не хотел отрывать время от занятий, что удлинило бы моё пребывание здесь, а, главное, потому, что собирался со дня на день выезжать. А ты почему ничего не пишешь? Как здоровье твое и Валерика? Как с работой? У кого живешь?

Поцелуй за меня Валерика, пусть не обижается на папу. Целую крепко, крепко, крепко. Твой Ро, ваш папа.»

Семнадцатого января от Нины пришла телеграмма: «Учись спокойно писала два твои получаю здоровы целуем = Нина». Успокоенный, я весь отдался занятиям. К 20 января за третий курс осталось сдать экзамены по дифференциальной геометрии, истории педагогики и политэкономии (капитализм).

По мере сдачи экзаменов мои планы на будущее менялись. Если в ноябре я мечтал сдать экзамены за второй курс, а в декабре - за третий, то уже в конце января, после сдачи на отлично еще двух математических дисциплин, стал планировать сдачу государственных экзаменов. Конечно, я хорошо представлял, какой удар наносил Нине каждым таким сдвигом срока приезда в Красноярск. Поэтому все мои письма того периода полны уверений в любви, верности, объяснений целесообразности продолжения обучения, получения высшего образования. Главный аргумент - невозможность до открытия навигации приехать в Туруханск. Что толку от того, что я буду жить в каком-нибудь городке или посёлке Красноярского края. В самом Красноярске мне тоже жить нельзя.

Но всё это мало помогало. Нина жила в своей среде. Её знакомые считали, что я просто «морочу ей голову». Что, наверное, давно уже нашёл себе женщину и, конечно, никогда не приеду в такую дыру, как Туруханск.

Во второй половине января Нину вызвали в КГБ. До смерти испуганная, пошла с Валериком. Дежурный сержант потребовал,

чтобы она зашла в кабинет начальника одна, оставив Валерика в приёмной. Нина, воспротивившаяся этому требованию, просила сказать, зачем её вызвали. Сержант не знал или не хотел говорить и настаивал, чтобы она оставила Валерика, и даже пытался отнять его силой. Напуганный происходящим, Валерик начал громко плакать.

Открылась обитая дерматином дверь, и в приемную вышел капитан. В полной энкеведешной форме. На голове фуражка с малиновым околышем. По-видимому, начальник.

- В чём дело, почему здесь ребёнок? - спросил он сержанта.

- Да вот по вашему вызову, по повестке пришла гражданка и принесла с собой ребёнка, - ответил сержант.

- Почему пришли с ребёнком? - обратился начальник к Нине.

- Не с кем оставить, - ответила она.

- Оставьте здесь, в приемной, с сержантом, - потребовал начальник.

- Нет, нет, только не это, - воскликнула Нина, ещё крепче прижимая к себе Валерика.

- Но ведь с ребёнком нельзя, - на удивление спокойно возразил капитан, - мне нужно снять показания.

- Какие показания, о чём, о ком?

- Вы знали Романцеву?

- Конечно, знала. И это всё? Только о ней Вы хотите меня допросить? Так почему же сразу не сказали, - успокаиваясь, спросила Нина. И она рассказала всё, что знала. Ничего нового сообщить не смогла.

- Поддерживаете ли Вы с ней связь?

- Конечно, нет, ведь я ничего не знаю о её дальнейшей судьбе, да и о прошлой жизни! В своё время я так просила следователя устроить нам очную ставку. Тогда бы всё выяснилось.

Капитан оформил протокол, и вроде на этом всё закончилось. Но так только казалось. В местном КГБ заинтересовались, почему она, ссыльная, живет в Туруханске и работает в конторе, а не находится на общих работах в Селиванихе. Над ней нависла угроза увольнения или в лучшем случае перевода на какой-нибудь “станок”, например, на ту же Селиваниху. Янина Иосифовна вынуждена была перевести её работать бухгалтером столовой в аэропорту. Некоторое время она вообще не работала. Обо всем этом я узнал позже, а пока мне пришла только телеграмма, в которой Нина сообщала, что осталась без работы.

Что было мне делать? Ляля ничем помочь не могла. Работала она в школе, преподавала немецкий язык, получала не более 600

рублей в месяц, а возможно, и меньше. Игорёк же, работая заведующим подсобным хозяйством, постоянно имел дело с людьми, все отношения с которыми строились на водке. Он, добрый и отзывчивый человек, судя по всему, любил Лялю, но пил, причём довольно сильно. От его зарплаты ничего не оставалось. А ведь в их семье четыре человека. Всех надо было накормить, одеть и обуть. А теперь ещё и я свалился на их голову. Если бы на день-два, ну на неделю. Так нет же, сначала месяц в Яблоневке, потом полгода в Тамбове у Сиравиных. Им приходилось платить за квартиру, пусть не деньгами, а продуктами, но платить. Надо было кормить меня, ибо своих денег у меня не было.

Пришлось перевести Нине двести из четырехсот, отложенных на дорогу. Их надо было обязательно восстановить. Мало ли что могло случиться. Вдруг придётся срочно ехать в Красноярск! Кроме того, деньги нужны были и мне, как минимум 4-5 рублей в день. Не мог же я так долго сидеть на шее сестры, тем более, что врачи признали у нее плеврит и «прописали» усиленное питание. Выход оставался один: ехать в Красноярский край и устраиваться на работу. Снова вмешался Борис Клюквин. Повёл меня к знакомой учительнице, почему-то я решил, что она его сестра, и уговорил найти мне учеников, чтобы хорошо платили, но были бы не сильно запущенными.

Поворчав по поводу поставленных условий, она всё же обещала подобрать двух учеников из числа своих двоечников. Это должно было дать мне 300-400 рублей в месяц. Пока на февраль подыскала одного. Занятия три раза в неделю. Ездить к нему на квартиру, иногда в школу. Это давало 150 рублей в месяц. Кроме того, нашла шестерых лётчиков, которых надо было готовить в академию. Однако четверо из них по своей подготовке были настолько слабы, что никакой надежды на их подготовку в отведённый срок не было, и я вынужден был им отказать. Остались двое, да и те ходили нерегулярно. У них - то совещания, то заседания, то ещё какие-либо дела по работе. В феврале я получил с них в общей сложности всего 150 рублей. В результате заработал 300, из которых часть пришлось заплатить за обучение на заочном отделении. Остальные оправил Нине. Конечно, можно было взять больше уроков, но это заняло бы много времени и затянуло сдачу экзаменов, а ведь я так спешил.

Положение осложнялось тем, что от Нины я получал только одиночные телеграммы. По-видимому, введённая в заблуждение меняющимися сроками моего выезда и не желая, чтобы её письма попали в чужие руки, она их просто не писала. Я же, не зная, ра-

ботает ли она, на какие средства и где живёт, не мог принять правильного решения. К тому же я просто соскучился по её письмам, почерку. Наконец, десятого февраля получил сразу три письма. В них тоска и тревога. Настойчиво, от письма к письму, одна и та же мысль: я разлюбил, мне безразлична их жизнь, их судьба, я занят только собой, своей идеей, тешу свое самолюбие. На работе держат вопреки требованиям КГБ. В любую минуту могут выгнать и что тогда делать? Такие морозы, а они раздеты.

В своих письмах я по-прежнему уговаривал, убеждал, доказывал, просил верить мне, настроиться на то, что мы делаем общее, нужное нам дело. Вместе с тем, росло чувство внутреннего протеста. Я был уверен, что совершаю подвиг, что тружусь на наше общее благо, а она, самый близкий мне человек, не могла, не хотела этого понять. Снова и снова появлялось желание все бросить и ехать в Красноярск, чтобы потом раскаяние мучило её. Хотелось, чтобы кто-либо пожалел меня, похвалил. Ведь если бы не финансовые проблемы, я без особого труда за шесть-семь месяцев закончил математический факультет. “Разве это не подвиг, попробовал бы кто-нибудь это повторить”, - думал я. Конечно, я подавлял в себе эти чувства, представляя, в каком тяжёлом положении находится Нина и как обоснованы её сомнения. И всё же жалость к себе не покидала меня.

Но как бы трудно мне не было, какие бы мрачные мысли не одолевали меня, сдача экзаменов продолжалась, возможно, не так быстро, как хотелось бы. Двадцать восьмого января сдал дифференциальную геометрию. Готовился по учебнику Нордена. Прорешал все имеющиеся там задачи. Нашел ряд казавшихся мне неверными ответов. Айзек Азимович Пясецкий, который принимал экзамен, сверив их со своими записями, остался доволен и, выслушав мои объяснения, поставил отлично.

Десятого февраля ему же и тоже на отлично сдал теорию чисел, а семнадцатого - основания геометрии. Для меня оценка по основаниям геометрии имела принципиальное значение. Когда-то, опережая сокурсников, я этот экзамен сдавал самому В. Ф. Кагану, крупнейшему специалисту и авторитету в этой области. Выставленную им десять лет назад отличную оценку хотелось во что бы то ни стало подтвердить, тем более, что в глубине души мечтал поступить к нему в заочную аспирантуру. Пясецкий, экзаменовавший меня, остался доволен и наговорил много комплиментов по поводу моих способностей и энергии.

Теперь, к середине февраля, для получения допуска к государственным осталось сдать всего восемь курсовых экзаменов.

Начал готовить проективную и начертательную геометрию. Большой, громоздкий материал. На подготовку отвел себе неделю, но вскоре понял, что уйдёт не менее десяти дней. Так и вышло. Двадцать восьмого февраля пошёл сдавать. К сожалению, преподавателя не оказалось, он заболел. Что было делать? Начинать готовить другой предмет, пока не сдал этот, не мог. При моём методе подготовленный предмет нужно было обязательно сдать и только после этого приниматься за следующий. В противном случае в голове всё путалось.

Сильно устал, чувствовал, что каждый новый предмет даётся всё с большим трудом. А время летело стремительно, не успеешь утром встать, сбегать к ученикам, проработать намеченную учебную литературу - и уже поздний вечер. Экзамен по начертательной и проективной геометрии удалось сдать третьего марта на отлично и сразу же начал готовить методику математики. Сдал её десятого марта и тоже на отлично.

Пока везло, а что будет дальше. Очень устал. Временами так хотелось все бросить, отдохнуть. Особенно тяжело бывало после сдачи очередного экзамена: упадок сил, душевная пустота. Чувствовал себя везде чужим, ненужным. Люди удивлялись успехам, хвалили, но в их тоне всегда сквозило: «собственно говоря, какое нам до всего этого дело». Пожалуй, только несколько старшекурсников, в присутствии которых мне частенько приходилось сдавать экзамены, по достоинству оценили мои успехи. Им ничего не нужно было рассказывать. Всё происходило у них на глазах. Как правило, преподаватель, принимавший экзамен, брал меня с собой на занятие. Пока читал лекцию или вел практическое занятие, я, сидя на передней парте, готовился к ответу. Сам экзамен начинался сразу после звонка, тут же, в аудитории, в присутствии студентов. С некоторыми из них познакомился. Когда в январе началась экзаменационная сессия на стационаре, по их просьбе приходил на факультет, садился в коридоре и решал доставляемые мне из аудитории задачи. Меня потом приглашали в столовую отметить сдачу экзамена.

Однажды, возвращаясь после очередного экзамена, встретил Нину Печёнкину, с которой когда-то занимался в одной группе. Она обрадовалась и пригласила меня к себе домой. Приготовила чай и что-то сладкое. Начались воспоминания. Многие рассказала о судьбе наших общих знакомых: о Сажине, Филине, Рите Конюховой. Оказалось, последняя работала в Суворовском училище и была замужем за Яковлевым. Я старательно скрыл охватившее меня волнение.

Сама Печёнкина тоже учительствовала. Жила, судя по всему, одна. Молодилась, красилась под блондинку, выщипывала брови. Была ли замужем - не спрашивал. Наши чаепития повторялись ещё раза два - три, пока я, рассказывая о своей лагерной жизни, не упомянул о Нине и Валерике. С тех пор она меня больше не приглашала.

Сложно и странно развивались наши отношения с Сашей - «сестрой» Клюквина. Возмущённая наглым, как ей казалось, требованием Бориса найти мне денежных и не очень запущенных учеников, говорила со мной сквозь зубы, с пристрастием экзаменовала в моем присутствии моих подопечных. Меня это расстраивало. Так непривычно было, что кто-то может ненавидеть меня. Из всех сил старался доказать, что я честный, порядочный человек. Между делом, как и Печёнкиной, рассказывал о своей лагерной жизни, учёбе, однако, наученный горьким опытом, о Нине и Валерике ничего не сказал. Тем более, что и она вопросов о моем семейном положении не задавала. К тому же был уверен, что об этом ей расскажет Борис. Постепенно отношения налаживались. Саша стала систематически интересоваться моими успехами в учебе, и это было как бальзам на мою жаждущую похвал душу. Несколько раз ходили в кино. Кто был инициатором, теперь уже не помню. При её характере инициатива могла исходить от неё. Такой оборот дела меня пугал, но остановить развитие событий я не мог. Чувствуя, что качусь по наклонной плоскости, писал длинные, полные тоски и нежности письма в Туруханск. И то, о чём я писал, не было обманом. Я действительно постоянно с любовью думал о них, дорогих мне туруханцах, испытывал к Нине огромную нежность. Для того чтобы Саша не строила каких-либо далеко идущих планов, сказал, что мне предписано закрепление в Туруханске, куда я, окончив институт, обязан буду ехать.

А между тем, мои занятия в институте продолжались. Сразу после сдачи экзамена по методике математики пришлось писать реферат и делать доклад на спецсеминаре. Над подготовкой к докладу и рефератом просидел, не разгибаясь, двое суток, после чего так болела голова, что никакой книги в руки не мог взять. Как только немного отпустило, стал готовить методику физики и технику школьного эксперимента. Двадцатого утром ходил сдавать. Проторчал в лаборатории целый день, а получил четвёрку. Никак не ожидал, да, впрочем, это меня не очень огорчило. Понимал, что теперь вообще придется отказаться от претензий на пятёрки.

До начала госэкзаменов на стационаре оставалось полтора - два месяца. А сдать нужно было ещё, как минимум, семь экзаме-

нов, в том числе два по теоретической механике, два по политической экономии, экзамен по истории педагогики, теории функций, астрономии и несколько зачётов. В целом привычная для меня вещь, но беспокоило самочувствие, часто болела голова, познабливало. Наверное, простыл в осеннем пальто. Решил, что если сил не хватит, то буду сдавать осенью или на будущий год, но уже в Красноярске. Не давала покоя тоска по Нине, наверное, действовала приближающаяся весна! В письме к ней от 30 марта писал:

«... Вот уже неделя, как я ничего не имею от тебя. В чем дело, не заболели ли вы? Каждое утро с нетерпением жду почтальона. А он приходит пустой. Ни от кого, ни весточки, хотя я и сам тоже никому, кроме тебя, не пишу. Ляля заболела воспалением легких - это она уже четвёртый раз в своей жизни. Завтра или послезавтра съезжу к ней, а то не видел её уже полтора месяца.

С 22 числа готовлю теоретическую механику, но движется дело медленно, мозги уже не те, видно, сильно утомился за эти пять месяцев. Обидно будет, если не вытяну до отъезда. Ведь всего-то три серьёзных предмета осталось: теоретическая механика, политэкономия и история педагогики.

С другой стороны, с таким трудом даётся каждый день. Чувствую себя одиноким, бездомным. Подумать только - уже более десяти лет я не был по-настоящему дома, не спал в своей собственной кровати, не ел без мысли, что ем чужое.

Какими бы не были условия в Туруханске, но скорее бы оказаться возле вас, а, значит, дома. Как было бы хорошо, если бы тебе удалось сохранить комнату до моего приезда, чтобы можно было остаться наедине. А то постоянно на людях.

Как я мечтаю о той минуте, когда смогу лежать подле тебя в чистой кровати, чувствовать биение твоего сердца, чувствовать твоё тепло. Если бы ты знала, как я соскучился по тебе. Да, да именно по тебе лично. Конечно, я люблю Валерика, хочу носить его на руках, играть с ним, воспитывать, но повторяю ещё и ещё раз, что люблю я его любовью к тебе. И движет мною не долг перед ним, а любовь к тебе и к нему!

Я так устал один, я так жажду твоих объятий, твоей любви, твоей ласки! А вместо них книжки, формулы, числа, даты, просто голова идет кругом. От напряжения можно возненавидеть всю эту книжную мудрость, которая, при всей любви к ней, не может заменить мне одного твоего прикосновения.»

Однако весна - весной, утомление - утомлением, а экзамены - экзаменами. Двадцать девятого марта приступил к подготовке курса теоретической механики. Девятого апреля сдал первую часть, а двадцать второго - вторую. Обе на отлично. Всего на эти два экзамена у меня ушло 24 дня. Ни на один предмет столько не тратил. Готовился особенно тщательно, т.к. экзамен принимал преподаватель, который, по отзывам студентов, никому еще не ставил отличной оценки, а четвёрки только девушкам с красивыми ножками. Дело шло на принцип, и моя победа существенно повысила мой авторитет среди студентов четвёртого курса.

Все это время мысль о встрече с Ритой не давала покоя. И вот однажды, воодушевлённый отличной оценкой и каким-то допронзительности легким весенним днём, направился к старому корпусу института, где теперь размещалось суворовское училище. Строгая, без всяких излишеств, архитектура. Потемневший от времени кирпич. Чугунная вязь парадного. Подернутые зелёной дымкой деревья. А напротив такая тихая, спокойная и умиротворённая Цна. Я сижу на скамейке, наблюдаю за входящими и выходящими. Их немного. В основном мужчины в военной форме. Спину греет весеннее солнце, лицо в тени.

Прозвенел приглушённый толстыми стенами звонок. Из двери выскользнула стайка суворовцев. Перебежав дорогу, мальчишки в форме устремились к Цне. Побросали камешки, потолкались и тут же вернулись назад.

Сижу уже больше часа. Сложные чувства борются во мне. Хочется увидеть Риту. Только увидеть. Тем более, что она замужем. Ведь это не предательство по отношению к Нине. А время! Ведь я теряю его без пользы. Может быть, её сегодня, сейчас в здании нет. И сколько я буду здесь сидеть. Надо идти, начинать готовить следующий предмет.

Проходит ещё один час. Солнце заметно смещается и греет уже не столько спину, сколько левый бок. Нервное напряжение нарастает. Чего все-таки я жду, на что надеюсь, чего ожидаю?

И вот, наконец, из-за незаметно открывшейся двери появляется она. Узнаю сразу, несмотря на военную форму и непривычную стрижку. В душе всё трепещет. Вцепился в скамейку, стараясь ничем не выдать своего волнения. Она, поглощённая своими мыслями, проходит мимо. Минута за минутой увеличивается расстояние между нами. Почему я не остановил её? Ведь можно было хоть немного поговорить, что-то выяснить. Но время упущено, не догонять же её теперь. И все-таки поднимаюсь и иду следом. Иду на расстоянии, не решаясь ни подойти, ни повернуть обратно.

Приходит мысль инсценировать случайную встречу. Для этого надо обогнать, а потом, развернувшись, идти навстречу. Сделать это просто, тем более, что идет она медленно. Ну, а потом, что скажу я ей, о чём спрошу. И зачем ей всё это, тем более, если она имела хоть малое отношение к моему аресту. Не подумает ли, что я хочу отомстить. Нет, нельзя! Я останавливаюсь, еще несколько секунд наблюдая за её удаляющейся фигурой, поворачиваюсь и иду домой, где меня ждут учебники и конспекты.

Весь вечер и ночь мучаюсь сомнениями. На следующий день пошел к её дому и около часа ходил по противоположной стороне улицы в надежде еще раз увидеть её. Однако вскоре понял, что подойти всё равно не смогу, да и незачем это. У этой встречи никаких перспектив. Меня ждёт Нина, Валерик, я люблю их. У Риты - Яковлев. А ворошить старое - зачем это. Я резко повернулся и пошёл домой готовить очередной экзамен.

К концу мая остались «хвосты»: история педагогики за третий курс и политэкономия за четвертый. Просто не знал, как подступиться к ним. Если бы это были не хвосты, а очередные экзамены, например, за пятый курс, то поставил бы на них крест и поехал в Красноярск.

В довершение ко всему ухудшились отношения с хозяевами, особенно после того, как Саша, потеряв меня из виду и узнав мой адрес у Клюквина, пришла к старикам. Оказывается, она для меня нашла ещё одного ученика. Просидела со мной более часа, в течение которого Клавдия Ивановна в соседней гостиной ожесточённо стучала переставляемой мебелью. По-видимому, считала моё поведение предательством по отношению к Нине.

С тех пор она стала разговаривать со мною сквозь зубы, ворчать из-за каждого пустяка, особенно по поводу большого расхода электроэнергии: “Заниматься надо днём, а не бегать где-то”, - сердито выговаривала она.

Все попытки объясниться ни к чему не приводили. И это казалось мне очень обидным, тем более, что наши отношения с Сашей, по крайней мере так мне казалось, были чисто деловыми. Ко всему я был слишком измотан беготнёй по ученикам, подготовкой к экзаменам, бытовыми проблемами. Рубашки мои износились, от носков остались одни дыры. Много проблем возникало со стиркой. Попытался этой операцией заниматься в бане, но для этого нужно было брать номер, а это семь рублей. Свободных же денег, сверх отложенных на билет до Красноярска и отсылаемых Нине, не было. Стирал дома под рукомойником. Совсем плохо стало с едой. После ссоры с хозяйкой старался как можно реже приходить на

обед. Подкармливали родители учеников, Саша. Частенько ложился спать, не пообедав и не поужинав.

Подготовка к экзаменам усложнялась репетиторством. Весь апрель и май занимался с тремя учениками, к которым из-за отсутствия собственного угла приходилось ездить, тратя драгоценное время. Сказывалось и страшное утомление. И всё же первую часть политэкономии (капитализм) я готовил очень добросовестно и целых четырнадцать дней. В который уже раз просмотрел первый том «Капитала» и ещё много другой литературы. Чувствовал, что по сравнению с другими студентами материал знаю. Тем более, что мы с Гайдаенко и Ершовым много этим занимались. И все же преподаватель поставил лишь четвёрку. Было обидно. Главное, если бы я хоть где-нибудь сбился или он меня поправил, а то просто так, потому что заочник, а им, заочникам, он, видите ли, не привык ставить пятёрок. К тому же, как он сказал декану, я сам признался, что только теперь для меня начали проясняться контуры такого грандиозного произведения, каким был «Капитал». Ещё меньше шансов было у меня на получение отличных оценок по экономике социализма и истории педагогики.

С 11-го по 16-е мая проходил педагогическую практику в девятом классе родной школы под руководством своей старой и любимой учительницы математики Галины Александровны Анинской.

27 мая сдал, наконец, политэкономия социализма. Получил четыре. На пятёрку уже не оставалось сил, к тому же совершенно не было учебников, всё приходилось готовить по чужим конспектам и записям лекций.

До начала государственных экзаменов оставался один месяц. А у меня ещё три несданных экзамена: по истории педагогики, астрономии, теории функций действительного переменного и зачёт по школьной гигиене. А ведь нужно ещё время на подготовку к первому государственному экзамену. Я явно не успевал. Оставалась одна возможность - сдавать государственные экзамены с заочниками, но они по графику должны были проходить с 25 июня по 25 июля. Сомнения мучили меня. Ещё раз отодвигать срок выезда, теперь уже до первого августа? Это было просто ужасно. Людям со стороны легко было рассуждать и удивляться моему легкомысленному решению не сдавать государственные экзамены. Говорили: «Такие горы своротил, а теперь остались пустяки и вдруг бросать». Разве могли они понять, что я истощён, что нет у меня больше ни физических, ни духовных сил продолжать эту гонку. Я читал по десять раз одно и то же, а голова ничего не воспринимала. Хотелось всё бросить и заняться чем-нибудь другим. Организм

сопротивлялся моим последним усилиям. Если бы я мог сделать перерыв хотя бы на месяц, съездить в Туруханск, отдохнуть головой и сердцем, то, наверное, шутя всё это дошёл бы до конца, а так ...

И всё же 27 мая начал готовить историю педагогики. Трудный для меня предмет. В учебнике более четырёхсот страниц, из которых каждые новые шесть страниц посвящены новому педагогу. И все они так похожи друг на друга и каждый из них что-то сделал, что-то написал, и никому нет до них никакого дела, кроме студентов и экзаменатора. Настоящий винегрет. Читал, читал, а запомнить ничего не мог. Отчаяние охватило меня. Ведь это был хвост за третий курс, и его нужно было сдать, во что бы то ни стало. И вот шестого июня я решил, что завтра утром пойду сдавать “на ура”. Сдам - значит счастье моё, а нет - пересдавать не буду и на этом закончу этот марафон, поеду.

Утром седьмого пошел. В голове всё перепуталось: Локк, Каменский, Песталоцци, Руссо и т.д. Всего 68 человек. Был уверен, что не сдам. А когда взял билет, все вдруг стало просто, ясно. Все ненужное отпало. Получил четыре. Такая обуза с плеч свалилась. Ведь я со сдачей этого экзамена тянул с января месяца. Много раз принимался и откладывал.

Девятого июня сдал астрономию на отлично, десятого - зачет по школьной гигиене, а шестнадцатого, тоже на отлично, экзамен по теории функций действительного переменного. Последний экзамен готовил с удовольствием: чистая математика, прозрачная, логичная.

До первого госэкзамена на заочном отделении оставалось две недели. Заочники уже съехались и начали подготовку. Я им активно помогал, они меня кормили. Последнее обстоятельство было весьма существенным, так как все мои частные уроки с окончанием занятий в школе прекратились, и я сидел без гроша. И в этот критический момент пришёл перевод от Нины. Перевод на 200 рублей. Меня это совершенно выбило из колеи. Она же сама еле-еле сводила концы с концами. Как догадалась? Ведь я ей ничего не писал о своих трудностях с финансами. Деньги мне, конечно, очень помогли.

Утром, девятнадцатого, пошёл оформлять допуск на государственные экзамены, и тут выяснилось, что нужно получать ещё зачёт по “Теории функций комплексного переменного”. И хотя это был математический курс, но всё же дней пять на его изучение и сдачу нужно было потратить, и, следовательно, на подготовку к первому государственному экзамену оставалась всего неделя. Хо-

рошо ещё, что этот первый экзамен был по математическому анализу. Все оставшиеся дни подготовку к зачёту по теории функций комплексного переменного совмещал с подготовкой к госэкзамену. Последнее обеспечивало мне хорошее питание у заочников.

Зачёт по теории функций комплексного переменного сдал 23 июня. А двадцать седьмого, за три дня до госэкзамена, получил телеграмму от Нины: *“Телеграфируй самую раннюю дату выезда лежу больнице Валерием острый колит сдаёшь ли экзамен так долго молчишь = целую Нина”*. Первого июля госэкзамен по математическому анализу сдал на отлично. Десятого госэкзамен по физике - тоже на отлично. Экзамены готовил вместе с заочниками. Они меня продолжали подкармливать. Это были хорошие дни. Погода великолепная: тепло, солнечно. Раза два или три ездили с Сашей в Эльдorado на лодке, которую брал у Орловых. Однако потом начались тяжёлые для меня дни.

К экзамену по основам марксизма-ленинизма и особенно к экзамену по педагогике заочники, большинство из которых были учителями, готовились самостоятельно и в моей помощи уже не нуждались. Я остался без всякой материальной поддержки и просто голодал. Ляля лежала в больнице, Игорёк пил, с хозяйкой я почти не общался, ходить по знакомым было некогда. Когда я пришёл на экзамен по педагогике, то один из заочников, фамилию его не помню, подошёл ко мне со словами: “Отчего такой измученный вид?” Я ему объяснил, что уже двое суток ничего не ел. Мне принесли плитку шоколада и заставили её всю целиком съесть. Кровь бросилась мне в лицо. Ощущение было таким, как будто я выпил стакан водки. Экзамен прошёл как в тумане. Как мне потом рассказывал Артёменко, я, отвечая на вопрос о воспитании воли, начал приводить примеры из тюремной и лагерной жизни, чем шокировал представителей кафедры педагогики. Однако по настоянию входивших в комиссию математиков, мне и по этому предмету поставили отлично. Всё! Сумасшедшая гонка завершилась. За восемь месяцев, с конца ноября 1951 по июль 1952 года, я сдал в общей сложности, включая четыре государственных, 36 экзаменов, из них 7 на хорошо (немецкий язык, два экзамена по политэкономии, психология, педагогика, история педагогики, методика преподавания физики), остальные на отлично и получил диплом с отличием. Никакого направления на работу в школу, на что я рассчитывал, не получил. И поэтому моё профессиональное будущее оставалось неясным. Профессор Кудрявцев, специалист по истории физики, работавший в Тамбовском педагогическом институте, предлагал мне поступать к нему в аспирантуру, но я отказался.

После получения диплома на несколько дней съездил в Яблоневку. Расставание было грустным. Пятого выехать не удалось. По заказу Игорька мне скатали хорошие, мягкие валенки. Но они оказались мне малы. Пришлось ждать, пока их разбивали на колодке и снова сушили.

Выехал одиннадцатого августа. Провожали меня Ляля с Игорьком. В стороне стояла Саша. В последний момент, войдя в вагон, сунула мне в руки конверт. В нём оказалось 200 рублей и короткая записка с просьбой писать и уверением в готовности ехать в любой уголок страны.

Но это я прочёл позже, а сейчас, стоя у окна, расставался с родными, близкими и знакомыми мне людьми. Прощался, как думал, навсегда. Был уверен, что в Туруханске меня закрепят на вечное поселение.